

Александра Касаткина

Stephen Collier. Post-Soviet Social: Neoliberalism, Social Modernity, Biopolitics. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2011. 312 pp. ISBN 978-0-691-14830-4.

Александра Касаткина. Адрес для переписки: Кунсткамера, Университетская наб., 3, Санкт-Петербург, 199034, Россия. alexkasatkina@gmail.com.

Антропологи, которые обращаются к проблеме (нео)либеральных реформ в постсоциалистических обществах, обычно исследуют влияние реформ на локальные ценности и моральные порядки и описывают ситуации на микроуровне в своих полях (Alexander 2004; Mandel, Humphrey 2002; Verdery 1999 и другие). Для этих задач достаточно знать, что либеральные реформы навязали плановым экономикам упрощенную идеалистическую модель рыночного капитализма без учета локальных особенностей. Сами же реформы, идеи и желания реформаторов и причины тех или иных их результатов остаются «черным ящиком». Чтобы его открыть, нужно провести исследование экономических и политических программ, стоящих за ними философий и перипетий их воплощения в жизнь – в полях, куда редко забредают антропологи. За эту грандиозную задачу взялся американский антрополог Стивен Кольер в своем исследовании реформ теплоснабжения постсоветского малого города. Эта книга вышла в 2011 году и уже привлекла внимание российских социологов, изучающих инфраструктуры с точки зрения акторно-сетевой теории (Хархордин, Алапура, Бычкова 2013), кроме того, она вошла в список обязательного чтения по антропологии инфраструктуры (Larkin 2013).

В центре внимания Стивена Кольера находится не только интеллектуальная история российских либеральных реформ. Проблемы, которые увидел американский антрополог в России конца 1990-х годов, потребовали сложного дизайна исследования, с несколькими линиями, уводящими в разные стороны, и в итоге вывели его на очень высокий уровень абстракции – к размышлениям о современном неолиберализме в целом. Молодая российская рыночная экономика столкнулась с ригидной материальностью систем жилищно-коммунального хозяйства. Созданные в советское время, они воплощали иные принципы распределения благ и адресовались иному образу субъекта-благополучателя, отличному от либерального рационального потребителя.

Свой первый, эмпирический, исследовательский вопрос Стивен Кольер формулирует в категориях акторно-сетевой теории, которая рассматривает, как явления собираются из разнообразных элементов. Фокусируясь на материальных элементах сборки, он задается вопросом о том, как они устанавливали связи между людьми в советское время и как созданная тогда социальность пересобирается сейчас, в других экономических и политических условиях (с. 27). Вторая и, как выясняется в итоге, главная задача Кольера – демифологизация неолиберализма, который в литературе и масс-медиа представляется как злейший враг социальной

справедливости. Для этого он обращается к стратегии «реконструкции условий исторической постижимости» (с. 28) в духе Мишеля Фуко и рассматривает, каким образом складывались некоторые экономические практики, которые определяются как неолиберальные, и в частности – неолиберальные подходы к проблемам неравного доступа к благам и приватизации городских инфраструктур.

В качестве концептуального инструментария Кольер выбирает теоретический словарь позднего Мишеля Фуко и рассматривает экономические модели и технологии управления как формы рефлексии и критики, способы интеллектуального конструирования объектов. В центре его внимания оказываются две биополитические формации: социализм в его советском варианте и западный неолиберализм, – которые предлагают свои ответы на основной вопрос модерного управленца: как сложить вместе население, производство и социальное благосостояние, чтобы получилась работающая система?

Книга состоит из двух частей. Первая часть посвящена истории рождения советской биополитики как специфической технологии управления жизненными процессами и советской социальной модерности, иначе говоря – истории появления тех «форм веридикции, видов программирования и аппаратов, посредством которых в советской России “схватывались”, становились объектами познания и интервенций такие фигуры, как общество и экономика» (с. 20).

Во второй главе очень широкими мазками, на основе многочисленных имеющих исторических работ, дается набросок истории российской модернизации со времен Петра Первого и до начала советской эпохи с акцентом на развитие инфраструктуры и бюджетирования как главных управленческих технологий модерности. Советская власть приносит новую биополитическую технологию – централизованное планирование, основанное на удовлетворении потребностей производства в человеческих ресурсах. Действенный способ совместить производство и население – это строительство города при промышленности, так что именно город становится площадкой для реализации советской модерности, а градостроительство – тем «режимом интервенции», через который советское государство осуществляло этот проект (с. 66). В третьей главе на основе известных архитектурных дискуссий 1920–1930-х годов описывается становление советского градостроительства, подчиненного экономическому планированию.

Стивен Кольер формулирует важные для него различия «стилей мышления» либеральной и социалистической экономик. В основе либерального планирования лежит изучение наличествующих ресурсов и потребностей. Советское государство видело в обществе объект преобразования, а не изучения. Поэтому был избран так называемый телеологический принцип планирования, согласно которому цели ставятся, исходя из государственной необходимости (с. 57), а потребности населения рассчитываются, исходя из единой, заранее установленной, нормы потребления (с. 67).

В следующих двух главах автор, наконец, обращается к собственным полевым материалам, собранным в Белой Калитве Ростовской области и Родниках Ивановской области. Он показывает, как принципы советского градостроительства, которые были сформулированы в 1930-е годы, а в послевоенный период «отлились» в

«аппарат трансформации, состоящий из экспертов, технических институтов, потоков ресурсов, материальных структур, пространственных форм, демографических распределений и организационных распоряжений» (с. 85), работали в планировании и строительстве этих малых промышленных городов. Эти инструменты градостроительства буквально собирали из частей «городское хозяйство» и подсоединяли его к общесоюзной экономике (национальным газовым запасам, союзной сети электростанций и т.д.). Так создавалась новая социальность советского города и локальная версия «сетевая» или «инфраструктурная» урбанизма (термин Стивена Грэма и Саймона Марвина (Graham, Marvin 2001)).

Ригидность плановой экономики – одна из часто называемых причин застоя и последующего распада советского режима. Приспосабливая эту формулировку к своему словарю, Кольер говорит не просто о ригидности, а об отсутствии интеллектуальной гибкости: все возникавшие проблемы плановая экономика была способна формулировать только в категориях возможности или невозможности выполнить план, а потому не могла реагировать на изменения мировых экономических условий, которые затрагивали и Советский Союз (глава 5). «Примечательно не то, что [советскому градостроительству] не удалось создать идеальные “города будущего”, а то, что оно патологически не было способно на что-либо еще, кроме этого», – остроумно замечает автор (с. 112). В 1990-е годы, когда на сцене появляются неолиберальные реформы, советское городское хозяйство буквально распадается, но остается упрямая материальность домов и опутывающих их сетей труб и проводов, рассчитанных на стабильное нормированное распределение жизненно важных благ (с. 124).

Во второй части книги на материале аналитических записок экспертов Всемирного банка и российских экспертных рекомендаций и программ для реформ бюджета и ЖКХ Кольер прослеживает трансформацию проекта неолиберальных реформ в постсоветской России от сплошной маркетизации начала 1990-х к более дифференцированному видению и учету локальных условий середины 2000-х годов. Анализируя программные документы бюджетной реформы (глава 7) и реформы ЖКХ (глава 8) конца 1990-х – начала 2000-х, автор приходит к чрезвычайно интересному и нетривиальному выводу. Он показывает, что обе реформы в конечном счете направлены не столько на переформатирование советских ценностей и субъективностей (этому препятствует само устройство советской системы теплоснабжения, которое не позволяет регулировать поступление тепла в каждую квартиру), сколько на изменение режима видимости потребления. Ведь для перехода к неолиберальному принципу бюджетного планирования, основанному на изучении поведения акторов (а не заранее определенной норме потребления), необходимы точные сведения о потреблении услуг ЖКХ в каждом домохозяйстве. Это не значит, однако, что такого переформатирования в результате не происходит. Стивен Кольер сознательно концентрируется только на документах, почти полностью игнорируя то, как на самом деле реализовывались реформы, а также то, как они воспринимаются чиновниками-исполнителями и обывателями. Изучение культурного эффекта, произведенного этими реформами, остается, таким образом, делом будущего.

Историческое измерение повествования расширяется за счет экскурса в предысторию политики структурной регуляции (*structural adjustment*), проводившейся Международным валютным фондом и Всемирным банком в послевоенный период (глава 6). Излагая неolibеральные теории о федеральном фискальном равенстве Джеймса Бьюкенена (глава 7) и новом экономическом регулировании Джорджа Стиглера (глава 8), автор демонстрирует неolibеральный подход к социальной справедливости, а также указывает на вероятные интеллектуальные (и практические) ориентиры реформ в постсоветской России.

В итоге же, из эпилога под названием «Неэффективные дебаты», читатель узнает, что главным героем книги был все-таки неolibерализм и что на примере реформирования постсоветской России в книге отрабатывались инструменты «эффективной критики» неolibерализма: анализ истоков и последствий доминирующих нарративов о неolibерализме, анализ так называемых неolibеральных реформ, которые на поверку оказываются гибкими и способными встраиваться в различные политические проекты, а также вопрошание самих неolibеральных традиций о том, что делает их таковыми, «тщательно учитывая аргументы, которые приводят неolibералы, и пытаясь понять их связность, реконструируя те проблемы, которые их вдохновили, и стили мышления, которые сделали их возможными» (с. 249). Такое завершение не только расширяет масштаб актуальности книги Кольера, но и предлагает способ вписать российский социалистический эксперимент и его завершение в рабочий репертуар мирового экономического и политического опыта.

Рецензируемая книга написана антропологом, но читатель не найдет в ней этнографии. Здесь нет насыщенных описаний, пространных цитат из интервью и полевых дневников, ярких историй жизни и других погружающих в реальность поля приемов. Поля Кольера другие. Это не только российские города, где он бывал, но и книги, документы, технические отчеты, в которых нашли отражение дебаты экспертов. В предисловии автор поясняет: этнография нужна для работы с этносом и культурой, а в центре его внимания другие объекты, требующие других стратегий анализа и убеждения. Он, тем не менее, считает свое исследование антропологическим: оно началось с полевой работы в конкретном месте и изучения его локальных проблем, которые вывели исследователя к другим объектам, вопросам и методам (с. 29). И в центр своего исследования (схематически изображенного на с. 15) Стивен Кольер все равно помещает российский малый город, с которого все началось и в котором пересекаются истории обоих биополитических проектов – советского и неolibерального.

И все же, на мой взгляд, именно методологическая и риторическая связность является наиболее уязвимым местом исследовательского повествования Стивена Кольера. Книга производит впечатление архипелага, где надежные и богатые разнообразными формами жизни острова твердой суши подчас соединены между собой только узкой полосой топкой болотистой почвы. Так, зыбко и необоснованно выглядят связи, которые автор проводит между теориями Джеймса Бьюкенена и Джорджа Стиглера (им в книге уделено немало страниц, и они явно приведены не только как материал для сравнения) и российскими реформами бюджета и ЖКХ.

«Просматривая технические и научные тексты, которые писали эти эксперты [экономические и технические эксперты, работавшие для Всемирного банка и других международных организаций развития – прим. автора], особенно по критическим вопросам бюджетных трансферов и перераспределения, я обнаружил ясное указание на труды Джеймса М. Бьюкенена, центральной фигуры американского неоллиберализма» (с. 167) – таково единственное внятное обоснование связи между Бьюкененом и российской бюджетной реформой. Нет ни ссылки на конкретный текст, где было найдено «ясное указание», ни более подробного объяснения, что именно сделало указание таким ясным. Со Стиглером дело обстоит получше. Кольер снова не дает ссылок, зато подробно описывает сходства «стиля мышления» между традицией неоллиберальной экономической практики, восходящей к текстам Стиглера, и документами российской реформы ЖКХ, что звучит несколько более убедительно (с. 227).

Иногда «болотца» встречаются прямо посреди острова, и, думается, хорошие этнографические описания могли бы помочь «уплотнению почвы». Пожалуй, одно из самых слабых мест книги – это небольшой раздел «Моральная экономика градостроительства», которым завершается четвертая глава. Здесь автор неожиданно впадает в классический антропологический функционализм и обнаруживает в только что выстроенной им модели социалистического городского хозяйства, наряду с неэффективностью системы и мрачностью пейзажа, способность вдохновлять и поддерживать социальную солидарность горожан, их чувство связи с большим проектом. Таким образом, от аналитической и довольно механистичной процедуры сборки советской социальности на основе материальности города он как будто делает шаг в сторону более синтетических, нематериальных оснований для связей между людьми – шаг очень важный, но не очень-то решительный. Устойчивое представление о том, что советское градостроительство работало исключительно на производство однообразной и мало пригодной для счастливой жизни среды, несомненно, нуждается в критическом исследовании в неменьшей степени, чем миф о кровожадности неоллиберализма. Но простой констатации существования жизнеспособной социальности на фоне массовой застройки и промышленных пейзажей, даже со ссылкой на Алексея Юрчака и найденные им ростки искренности среди цинизма позднесоветской повседневности, явно недостаточно. Тем более беспомощным выглядит призыв разглядеть в социалистическом городе некую особую «пасторальную прелесть» (с. 107). Думается, это как раз тот случай, когда обращение к этнографическим стратегиям убеждения, скажем, введение пары-тройки цитат из интервью, а лучше – бытовых зарисовок, усилило бы раздел.

Еще одно «топкое место» возникает в точке объяснения того, почему в России была применена стратегия шоковой терапии, несмотря на то, что уже в конце 1980-х для многих экспертов была очевидна ее неэффективность для решения проблем развивающихся экономик и их международного долга. «Осмотрительность и отступление были не в духе времени», – пишет Кольер, при помощи несколько залихватской риторики затушевывая то ли пробел в своем (и без того грандиозном) исследовании, то ли простую небрежность (с. 148). Между тем эта

формулировка намекает на сложные человеческие истории выбора на фоне эпохи, а это означает, что, возможно, этнографическое описание пришлось бы к стати и здесь.

Нехватка живого человеческого присутствия и увлеченность обобщениями чувствуется и когда Кольер доходит до анализа конкретных документов – статей, проектов, отдельных высказываний. Он оперирует такими единствами, как «чикагские экономисты», или «эксперты Всемирного банка», или «многие неолиберальные философы», иногда пересыпая их фамилиями авторов отдельных работ. Слабость тактики обобщения субъектов особенно заметна в одном утверждении, которое с точки зрения этнографа выглядит по меньшей мере наивным: «Нельзя сказать, что лекала, выработанные на опыте других стран, были просто навязаны России. Местные реформаторы играли активную роль в модификации существующего репертуара интервенций с учетом локальных условий» (с. 149). Кто именно из реформаторов? Какую именно роль? И почему же тогда в итоге, как замечает автор (с. 157), до конца 1990-х годов неолиберальные реформы в России проводились без учета таких важнейших особенностей советских условий, как преобладание городов среднего размера и неразрывная связь социального обеспечения и промышленности?

Книга представляет собой экспериментальную попытку антрополога объединить методологическую парадигму Мишеля Фуко и аналитический язык акторно-сетевой теории. Как верный фукольдианец, автор остается в области дискурсивных практик, не ищет прямых ссылок и цитат, чтобы доказать связи между разными высказываниями, и мало внимания уделяет субъектам. И в то же время, похоже, что ему не всегда удается отыскать баланс: если для этнографии живых людей в книге слишком мало, то для анализа дискурса их там подчас, кажется, многовато. Что же до акторно-сетевой теории, она занимает в книге в некотором роде пограничное положение. С одной стороны, она помогает Кольеру сформулировать один из своих исследовательских вопросов. С другой стороны, работая с текстами, он столкнулся с тем, что стиль мышления, характерный для акторно-сетевой теории, оказался родным для их авторов – реформаторов, практиков, мыслителей, которые задавались тем же вопросом о способах сборки социальности (с. 27). Занять метапозицию автору помогает его второй исследовательский вопрос, предполагающий анализ разных способов сборки и условий их возникновения, а сохранить оригинальность и не ограничиться повторением слов своих «удаленных информантов» – те особые, не очень «разговорчивые», источники, к которым он обращается.

Среди источников, где Кольер ищет стили мышления и критики, воплощающие рациональность исследуемых проектов социальной модерности, много специфических высказываний, которые, в отличие от философских трудов или идеологических программ, несут особого рода знание – техническое, слабо артикулируемое и существующее очень близко к практике. Это не только планы городов, проекты реформ и бюджетов, экспертные записки, сметы и нормы, но и «малые традиции», которые складываются где-то «между академическими дисциплинами, экспертами-практиками и теми, кто принимает политические решения»

(с. 24) и потому легко ускользают от академического взора. Автор, в частности, говорит о практических традициях распределения федеральных налоговых поступлений и микроэкономического регулирования отношений в сфере инфраструктуры, восходящих к теориям Бьюкенена и Стиглера.

Очень интересен опыт работы Кольера с планами Белой Калитвы и Родников и сопровождающими их документами 1960–1970-х годов (глава 4). Этот вид массовых источников неизбежен для каждого, кто погружается в историю позднесоветского урбанизма (и кому посчастливилось получить доступ к подобным документам – тем, которые в советское время были засекречены и по сей день нередко носят гриф «для служебного пользования»). Но чтобы читать и интерпретировать эти толстые тетрадки, заполненные цифрами, расчетами и схемами, необходимо не только понимание основ советской экономики и работы градостроительной бюрократической машины, но и более широкое представление о существующих современных способах проектирования будущего. Кольер смотрит на генеральный план советского города взглядом чужеземца, и его интерпретации производят для российского читателя ценный остраивающий эффект, так что планирование городского развития, исходящее из потребностей производства в человеческих ресурсах, перестает казаться чем-то естественным.

В повествовании Кольера, при всех его разрывах и неясностях (и даже благодаря им), чрезвычайно подкупает исследовательская честность автора в следовании за своим материалом (и своим любопытством) от белокалитвинской котельной до неолиберального осмысления социальной модерности. Его объекты необычны для антрополога, но изучая их, Кольер остается верен антропологическим принципам: внимание к точке зрения своих героев (даже если это не люди, а биополитические формации, дискурсы и стили мышления), критическое отношение к «очевидному» и «общеизвестному», следование за эмпирическим материалом.

В книге «Модели для антропологии современности» (Rabinow et al. 2008), которую Кольер упоминает как один из своих методологических ориентиров, именитые американские антропологи рассуждают о том, как должна измениться антропология, чтобы найти себе место в стремительно меняющемся мире. Современность предлагает антропологу новые объекты и предъявляет новые требования: понять, как в локальных условиях реализуется глобальная экономическая модель, увидеть, как действуют сложные сборки, составляющие современное государство или науку, проследить за движением идеи в глобальном мире. Следует ли антропологу в этой ситуации держаться за этнографический метод и внимание к людям как за последнее прибежище? Может ли он взяться за другие объекты, найти другие эмпирические поля, попробовать другие методы и при этом остаться антропологом?

Книга Стивена Кольера предлагает еще одну возможную «модель» антропологии современности, в чем-то очень удачную, в чем-то требующую доработки, и свой ответ на вопрос о том, каким может быть поле, объект и исследовательский вопрос современного антрополога. Можно надеяться, что это начинание вдохновит других смело пойти за своим исследовательским любопытством, даже если оно уводит к непривычной эмпирике и требует освоения новых методов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Хархордин, Олег, Ристо Алапура и Ольга Бычкова, ред. 2013. *Инфраструктура свободы. Общие вещи и Res Publica*. СПб.: Издательство ЕУСПб.
- Alexander, Catherine. 2004. "Value, Relations, and Changing Bodies: Privatization and Property Rights in Kazakhstan." Pp. 251–274 in *Property in Question: Value Transformation in the Global Economy*, edited by Katherine Verdery and Caroline Humphrey. Oxford: Berg.
- Graham, Stephen, and Simon Marvin. 2001. *Splintering Urbanism: Networked Infrastructures, Technological Mobilities and the Urban Condition*. London: Routledge.
- Larkin, Brian. 2013. "The Politics and Poetics of Infrastructure." *Annual Review of Anthropology* 42:327–343.
- Mandel, Ruth, and Caroline Humphrey, eds. 2002. *Markets and Moralities: Ethnographies of Postsocialism*. Oxford: Berg.
- Rabinow, Paul, George Marcus, James Faubion, and Tobias Rees. 2008. *Designs for an Anthropology of the Contemporary*. Durham, NC: Duke University Press.
- Verdery, Katherine. 1999. "Fuzzy Property: Rights, Power, and Identity in Transylvania's Decollectivization." Pp. 53–81 in *Uncertain Transition: Ethnographies of Change in the Postsocialist World*, edited by Michael Burawoy and Katherine Verdery. Lanham, MD: Rowman & Littlefield.